

8

9 сентября 1995 г.

- Культура

СЕРГЕЙ ЯШИН:

“Чаша анархии нас миновала”

ИЗ ПЕРВЫХ РУК

Ирина АЛПАТОВА

— **М**не очень любопытна судьба этого театра, странная и драматичная. Взять хотя бы то, что он имел разные названия. Театр возник в 1925 году по инициативе профсоюза железнодорожников, для того чтобы обслуживать работников транспорта, донести искусство до самых глухих уголков России. И нашлись ведь единомышленники, которые бросили насиженные места и предпочли кочевой образ жизни. В вагончиках, имея платформу для декораций, они ездили по городам и весям. А сценой служили закопченные помещения депо, а порой и та самая железнодорожная платформа. И вот этот подвижнический коллектив назывался поначалу Московский театр драмы и комедии.

Через какое-то время, в конце 20-х годов, он получил название Театр Транспорта. И репертуар тогда был соответствующий — шла пьеса А. Афиногенова “Далекое”, про жизнь полустанка, “Вторые пути” В. Киршона, естественно, “Бронепоезд 14-69”. То есть все, что было связано с железнодорожной тематикой.

Война застала театр на Дальнем Востоке, где он и работал до Победы. А потом вернулся в Москву, где наконец-то получил свое первое стационарное помещение — то самое, в котором мы сейчас находимся. Здесь когда-то были депо, физкультурный зал железнодорожников и тому подобное.

— Значит, в “народном” названии вашего коллектива “Театр у Курского вокзала” есть свой смысл?

— Конечно. Ведь прямо к театру подходили железнодорожные пути, отсюда и грузили декорации. Кстати, Министерство путей сообщения было очень хорошим “спонсором”, как бы мы сегодня сказали: оно содержало театр, кормило и поило актеров, которые жили в те времена гораздо лучше многих своих коллег.

— А откуда же в Театре Транспорта вдруг возникло имя Гоголя?

— В 1959 году театры стали лишаться своих “спонсоров”, и все пошло под крыло Министерства культуры. Наш театр стал просто драматическим, и нужно было придумать ему имя. А тут как раз подошло 100-летие со дня смерти Н.В. Гоголя, вот театру и присвоили его имя. Наверное, как тогда шутили, за афоризм “Какой же русский не любит быстрой езды!”.

Но самое главное, что этот театр при всех своих переименованиях, при всех перипетиях всегда оставался цельным организмом. Он не закрывался, не делился, ни с кем не сливался. Вот почему сегодня мы будем отмечать его 70-летие.

Московский театр имени Гоголя — поистине театр “драматический”. В том самом, сценическом значении этого слова. Потому что его судьба и впрямь напоминает драму, в которой было все — взлеты и падения, периоды тоскливого затишья и интересные открытия. Сегодня же театр подошел к своему 70-летнему юбилею, под знаком которого и пройдет нынешний сезон. Подошел обновленным, полным сил и надежд. И все-таки, прежде чем говорить о нынешнем состоянии театра, главному режиссеру Сергею Яшину показалось важным вспомнить о его прошлом. Тем более что мало кто из современных театралов знаком с его более чем уникальной историей.

— Наверное, с этим театром в свое время были связаны многие крупные актерские и режиссерские имена?

— Конечно. И они создавали свои традиции, благодаря которым и жив сегодня театр. Это и К. Голованов, который в 1925 году собрал компанию энтузиастов. И мастера МХАТа-2-го, которые в свое время “шефствовали” над Театром Транспорта — С. Бирман, В. Готовцев, Л. Дейкун. Замечательные режиссеры — Н. Петров, И. Судаков, Б. Голубовский. Здесь работали прекрасные актеры — Краснопольский, Мильтон, В. Хохряков, нынешний директор Малого театра В. Коршунов. В период гонений на этих подмостках выступал Леонид Утесов, играл Шельменко-денщика.

— А что вы можете сказать о сегодняшней труппе?

— Нынешняя компания является, конечно, преемницей этих прекрасных традиций. И мне хочется просто признаться в любви труппе театра. Важно ведь, чтобы в ней были не просто одаренные артисты, но артисты-художники, стремящиеся быть вместе, сохранить образ театра, его совместное творческое бытие. И мне кажется, что эти качества в полной мере присутствуют у наших актеров. Конечно, все они живут сложно. Но нашего театра, к счастью, не коснулись ветры бунтов, разрушительных катаклизмов. И дай Бог, чтобы чаша сия нас миновала.

— Принято считать, что репертуар — лицо театра. Как складывались и складываются сегодня ваши отношения с драматургией, литературой?

— Этот театр всегда искал свой репертуар. Можно с юмором относиться к начальной железнодорожной тематике. Но это было желание слышать время, желание собрать вместе молодую драматургическую поросль. Когда же поняли, что дело не только в теме и идее произведения, то пришли к классике. Начали прививать вкус к настоящим характерам, глубинным столкновениям. Потянулись к замечательной драматургии Запада. Но главное, что всегда отличало репертуар театра — это его своеобразие, стремление не дублировать московскую театральную афишу.

— И что же сезон грядущий нам готовит?

— По традиции, мы откроемся премьерой — спектаклем “Вернись, малютка Шеба” по пьесе не известного в России, но популярного в Америке драматурга У. Инджа. Кстати, и ставил спектакль режиссер из США Э. Хастингс. А в главных ролях заняты наши ведущие актеры С. Брагарник и В. Самойлов.

Но все-таки хотелось бы, чтобы этот юбилейный год прошел под знаком русской драматургии. Одной из ближайших премьер станет драма нашего “русского Шекспира”, как я его называю, А. Н. Островского — “Бесприданница”. В этой пьесе с небогатой сценической судьбой много загадок. Мне кажется, что Лариса — вовсе не бытовая героиня с налетом “цыганщины”. Она, как Снегурочка, — не от мира сего, фигура романтическая. В этой роли дебютирует в Москве молодая актриса О. Афанасьева, в остальных ролях — С. Брагарник, О. Гуцин, Ф. Сухов и другие артисты театра.

Мы поставим совершенно забытую пьесу театрального деятеля, драматурга, издателя А. Суворина “Татьяна Репина”. В советские времена эта фигура

была отодвинута в тень, считалась едва ли не черносотенской. А ведь когда-то А. П. Чехов говорил, что у Суворова нужно учиться писать пьесы. В роли Татьяны Репиной блистали М. Ермолова и М. Савина, в нашем театре ее исполнит О. Науменко.

Мы обратились к советской комедийной классике, это будет пьеса В. Шкваркина “Чужой ребенок” с ее верой в жизнь, в завтрашнее счастье.

Театр покажет две инсценировки. О. Ремез написал пьесу по роману В. Максимова “Заглянуть в бездну”. Это наш человеческий долг перед памятью писателя, который очень любил Театр им. Гоголя. А Т. Зульфикаров готовит сценическую версию своего романа о Ходже Насреддине. Мне кажется, что эта замечательная фигура в мировой литературе, подобная Фальстафу или Кола Брюньону. И нам именно сегодня нужны такие герои — с их оптимизмом и радостным взглядом на мир.

— Будет ли продолжение у вашего совместно с В. Вульфом проекта “Неизвестный Теннесси Уильямс”?

— Да, будет. Я ставлю его автобиографическую драму “Что-то смутно, что-то ясно”. Вообще, последние пьесы Т. Уильямса практически не имеют сценической судьбы и даже на их родине известны крайне мало. Кстати, между Уильямсом и русским театром существует уникальная связь. Он был впервые потрясен театром, когда увидел Аллу Назимову, знаменитую русскую актрису, впоследствии ставшую знаменитой американской актрисой. На него как драматурга огромное влияние оказала русская литература — Чехов, Толстой, Достоевский. Мне кажется, сегодня Уильямс интересен нам удивительной искренностью, пронизательностью, проникновением в механизм человеческой души, исповедальностью.

— Сергей Иванович, в последнее время ваш театр неоднократно выезжал в Соединенные Штаты. Как принимала американская публика спектакли, сделанные по их классике?

— Действительно, наш спектакль “Долгий день уходит в ночь” Ю. О. Нила вызвал интерес у американских исследователей и любителей театра. Мы дважды были участниками традиционных ежегодных фестивалей в Калифорнии. Честно признаться, очень боялись реакции американцев. Ведь это одна из их любимейших пьес, что-то вроде нашей “Чайки”. Она почти канонизирована в области постановки. Мы же, не зная этих традиций, пошли от собственного понимания пьесы, характеров, конфликта. И тот успех, который встретил наш спектакль, был поистине неожиданным. Отмечали и хороший ансамбль, и проникновение в характеры. И если на первом фестивале мы играли только последний акт “Долгого дня”, что было предусмотрено правилами, то через год нас пригласили сыграть спектакль целиком. Конечно, было приятно, что американцы не посчитали нашу постановку западной классикой “русского разлива”, как писала одна из наших газет. Надеюсь, что наши контакты с западным театром будут продолжаться, поскольку это интересно и выгодно всем.